12 3 МАР 1975 КРЫМСКАЯ ПРАВДА
Симферополь

КАПИТАН КОЛЬЦОВ И ДРУГИЕ

ТЕАТР

ЧЛЕНЫ клуба любителей объютанта... Письмо с такой удивительной подписью пришло недавно в редакцию нашей газеты. Нет необходимости предваривать специально, о каком адъютанте идет речь, ибо существует ныне и выполняется поистине всенародной популярностью лишь один из тысяч прошедших по земле адъютантов — адъютант его превосходительства, великолепно сыгранный Юрием Соломиным в известном телевизионном фильме. И не удивительно, что Крымский государственный русский драматический театр им. М. Горького, снискавший громкой славой капитана Кольцова, решил продолжить рассказ о нем на своей сцене. Пьесу по заказу театра написали один из авторов сценария телевизионного фильма, лауреат Государственной премии РСФСР Г. Северский и молодой симферопольский литератор О. Соболев. Осуществила постановку главный режиссер театра А. Новиков. И вот на афишах театра, интригуя и манит, появилось название: «Адъютант его превосходительства».

Сегодня, когда прошло несколько премьерных спектаклей, можно сказать, что театр не обманул ожиданий. В тех пределах, которые даны были пьесой, он порадовал зрелым мастерством, изобретательностью, хорошими актерскими работами, оригинальным художественным оформлением.

Сюжетная разработка спектакля связана с деятельностью молодой советской разведки, вобравшей в себя многолетний опыт большевистского подполья, закалившего мужественные, кристально чистые и непоколебимые характеры. Ретроспективой в первом акте проходят уже знакомые нам по телефильму события, как бы прокладывая мостик к той сложной политической и психологической проблеме, которую предстоит разрешить уже бывшему адъютанту его превосходительства: склонить генерала Ковалевского, обретающегося ныне в дешевом номере «Славянского базара», затерянного среди разношерстного и пришлого Константинополя, к возвращению на Родину, в Советскую Россию.

Здесь в спектакль входит тема судьбы сотен тысяч русских людей, заброшенных ураганом истории на чужбину, затянутых сюда преступными лидерами белого движения. Не потому, что Советской власти так уж необходимы военный опыт и знания генерала Ковалевского, и не потому, что она, эта власть, такая великодушная всепрощающая, появилася, раскрыв объятия, в пристанище недобитого белогвардейского офицера разведчик Павел Андреевич Кольцов. Нужно вырвать людей, попавших на чужбину, из рук политиканов, мечтающих о «белом реванше», вернуть их к полезной, созидательной деятельности. И можно себе представить, какой резонанс вызовет возвращение в «отечество» такого авторитетного и уважаемого в кругах эмиграции деятеля, как генерал Ковалевский!

В целом же спектакль о том времени, когда в бою с белогвардейщиной и интервентами началась закалка той стали, что сокрушила впоследствии германский фашизм. Его приметы — в суровой лаконичности оформления (художник — заслуженный деятель искусств УССР М. Янковский) с призывной яростью плакатов, с военной неустроенностью быта, с горящим винтовки и скупым колоритом наспех оборудованных штабов; они — в смертельном противоборстве голодных и оборванных людей, верящих в свою правду, с затянутыми в мундиры, вылощенными, обласканными буржуазией всех стран защитниками старого мира, проигравшими битву уже в первую октябрьскую ночь невиданной революции.

Говорить о том, в какой мере театру удалось раскрыть этот подтекст, призванный придать внешне приключенческому сюжету глубину и значимость, значит, говорить прежде всего о работе режиссера-постановщика А. Новикова. Для творческого почерка режиссера характерны стремление к темам актуальным и гражданственным, масштабность, лаконизм в отборе изобразительных средств, динамичность сценического действия, выразительность мизансцен, пристальное внимание к психологической достоверности образов и ситуаций. Все эти качества нашли отражение в новой работе режиссера.

Начало спектакля переносит нас в томительную атмосферу белоэмигрантского кабака с его пустыми иллюзиями, безнадежностью, пошлым бахвальством, мелкими интригами, с неизвиненной, но заслуженной участью людей, попытавшихся повернуть вспять историю и смертельных, как мусор, на задворки зарубежных столиц. Эта сцена — обрамление всего спектакля, от нее берут начало, как бы кинематографическим перебивками, экскурсы в прошлое героев. Действия развивается стремительно, упруго и напряженно, почти не давая возможности для передышки. И только возвращение в «Славянский базар», где собираются и вертятся в уксусно-винном соку тени прошлого, заставляет задуматься об историческом смысле пронесшихся событий.

На двух полюсах противоборствующих сил — советской разведчик Кольцов и белогвардейский генерал Ковалевский.

Заслуженному артисту УССР А. Голобородько, сыгравшему Кольцова, выпала нелегкая задача. Можно сказать, что каждый из зрителей шел в театр, неся в своей памяти, как некий эталон, образ, созданный Ю. Соломиным. Кроме того, сама по себе роль разведчика, заброшенного во вражеский стан, не предполагала заметного психологического развития, бурных душевных сдвигов. Кольцов, показанный в спектакле, силен тем, что несет в себе лучшие черты чекиста, борца, коммуниста: мужество и честность, нравственную чистоту и благородство, верность долгу и веру в правоту своего дела. И черты эти не провозглашаются декларативно, а плотью и кровью входят в образ человека, то затянутого в мундир адъютанта, то одетого в изящный дипломатический смокинг. Голобородько — артист темпераментный, мастер стремительного действия, мгновенной реакции. В спектакле эти его качества находят прямой выход лишь в нескольких моментах, сыгранных им легко и естественно. Во многих сценах за внешней сдержанностью проглядывают, освещая облик Кольцова изнутри, черты душевного, доброго, эмоционального человека, способного на самопожертвование и большую любовь. И это делает образ Кольцова живым и обаятельным. А это тем более важно, что противостоит советскому разведчику характер не менее значительный и сильный.

Где-то с середины первого акта наше внимание все более захватывает фигура генерала Ковалевского. Ведь именно вокруг него закручивается главный сюжетный узел пьесы, именно его духовный облик претерпевает наиболее глубокие изменения. В спектакле за внешней подтянутостью, самоуверенностью, начальственной бодростью Ковалевского начинает постепенно проглядывать душевный надлом — маленькая трещинка, затем все более расширяющаяся, отдаляющая его от фанатичных, а то и просто беспринципных служак, вроде генерала Артифексова. Бездарность высшего командования, грязь, воровство, бессмысленная жестокость, процветающие в белом стане, неизбежность соприкосновения с такими нравственными подонками, как генерал Шкуро, способны вызвать омерзение у субъективно честного человека. Но это вопрос, так сказать, моральный. А вот брошенный в навозник, приговоренный к расстрелу большевик Кольцов оказывается сильнее пока еще всесильного белого генерала, потому что заставляет его усомниться в общей правоте своего дела, в политической его чистоплотности. И здесь делается тот первый шаг, который в финале спектакля приведет Ковалевского на Красную площадь красной Москвы, под звон курантов, отбивающих «Интернационал».

С удовольствием следишь за работой заслуженного артиста УССР Ю. Максимова в роли генерала Ковалевского. Незаурядный актерский темперамент придает убедительность каждому его сдержанному жесту, движению, интонации голоса. Где-то он, пожалуй, излишне мягок, добр, возможно, оттого, что авторы пьесы, боясь поторопить знаменитого булгаковского Хлудова, сняли с образа генерала Ковалевского трагическую остроту и исступленность душевной раздвоенности. Можно, конечно, посомневаться насчет типичности белогвардейского генерала, который так благородея, что отказывается санкционировать смертную казнь рабочих из-за каких-то там принципиальных соображений (оставаемся клубовское «повесить на семафоре!» ближе к исторической правде). Но образу, созданному Ю. Максимовым, не отказ жешь в значительности в своем образе.

Меж двух миров, жестоких в своей смертельной непримиримости, мечется хрупкая, наивная, растерянная Таня. Бессильная перед вихрем событий, она способна подняться ради своей чистой любви на высоту самопожертвования. Но за этим порывом нет понимания тех высоких целей, которым служит Кольцов. Мучительный бег от действительности привел ее «ужбину, к горькой и постыдной судьбе тысяч женщин, продающих себя ради куска хлеба. Так лирическая линия, намеченная еще в телевизионном фильме, завершается ноткой, полной драматизма и безысходности. С подлинной искренностью и достоверностью выступила в роли Тани артистка С. Шершнева. В тяжелом полумраке «Славянского базара», среди застывших фигур беглецов произносит Таня свой скорбный монолог об участи людей, убежавших от Родины, отрекшихся от своего народа, как бы завершая тему, наиболее выразительно, порой даже с излишней, нарочитой подчеркнутостью, воплощенную в спектакле.

Менее удалось, на мой взгляд, решение темы борьбы революционного народа против старого мира. С какого-то момента начинаешь ощущать неудовлетворенность беглыми намеченными характерами персонажей, представляющих красный лагерь, их духовной обедненностью, невыразительностью. Не показав до конца мерзость разложения белой армии, чрезмерно увлекшись внешней, показной стороной, авторы пьесы, а вслед за ними и постановщик, немного допустили некоторую односторонность в изображении врагов революции.

Благородный и обаятельный Ковалевский; немногословный, недоверчивый начальник контрразведки, чья жестокая деятельность проходит где-то за пределами сцены, он же любящий отец, который на наших глазах заботится о чести дочери, — Николай Григорьевич Шукин в убедительном изображении заслуженного артиста УССР Е. Тарасова; симпатичный, по-юношески беззаветно преданный белому делу Микки, декламирующий «Оленина» (арт. Ю. Стрельников); честный, несколько растерянный и обескураженный моральным состоянием верхов врангелевской армии полковник Львов в скупом, но сочном исполнении арт. С. Зеленюка; храбрый поручик Дудицкий (арт. Ю. Емельяненко), — каждый из этих выполненных, затейливых в белогвардейский мундир людей, обрисован выпукло, рельефно, способен вызвать симпатию своей субъективной порядочностью. Зловещая фигура то ли дипломата, то ли члена белогвардейской «мафии» Гурковского (заслуженный артист УССР В. Здокович) как-то даже чужеродно смотрится в среде этих «рыцарей» белого движения. Ведь даже внутренне подлый все к черту генерал Артифексов (арт. А. Гончар), способный спекульнуть утаенным зерном, с возмущением принимает циничные слова Гурковского о распродаже родины в обмен на иностранную военную помощь.

Можно допустить достоверность каждого из этих персонажей, и никто не вправе требовать, чтобы театр в изображении врагов впадал в ходульность и однообразие одного характера. Однако и перекос в сторону ложной «объективности» едва ли допустим. Тем более, что он усугублен заметной блеклостью и невыразительностью в показе противостоящей белогвардейщине стороны.

Материал пьесы не дал возможности отличной и тонкой актрисе Л. Могилевой полнокровно выступить в роли чекистки Наташи, чей образ мог бы украсить спектакль, не будь он так поверхностен и графичен. Заслуженный артист УССР В. Кондратьев блеснул присущим ему даром привнести в роль теплый юмор, характерную живинку. Но он излишне перегружает, и, не без вины, авторов пьесы, его Семен Красильников напоминает напоминает незабвенного трепевского Шванди, а не чекиста, выполняющего ответственную работу. Чекист Фролов (заслуженный артист УССР Н. Банковский) словно сошел со страниц банальной детективной повести. Делать ему в спектакле решительно нечего, вот и появляется он время от времени под видом доктора, чтобы в конце, по всем шаблонным канонам жанра, удивить генерала Ковалевского. Менее привлекателен, чем хотелось бы, и красный командир Хрунов (артист А. Мозговой). Он излишне сух, декларативен. Нет в нем той душевной теплоты и широты, той романтической окрыленности, которая приподняла бы образ, осветила его изнутри, привнесла в него элемент обаятельности. Мало запоминаются фигуры красноармейцев, однообразные и крайне приземленные.

Колоритная сцена в Кирилловке, с атаманом Ангелом, роль которого красочно, мастерски исполнил заслуженный артист УССР С. Карякиола, с лихим бандитским плакатом, с живописными «хлопцами». Но она словно занесена в спектакль из другой «оперы» и, в конечном счете, оправдывается лишь дежурным изничением в развитии сюжета.

И еще оставляет неприятный осадок какая-то отстраненность, отсутствие простого человеческого участия в Кольцове при встрече с Таней в «Славянском базаре». Разумеется, все в прошлом, но ведь в этом прошлом не случайное, мимолетное знакомство, а большая, искренняя любовь...

Думается, что и авторам пьесы, и театру предстоит еще немало поработать, чтобы в целом интересный, яркий и увлекательный спектакль избавился от просчетов, засверкал всеми своими гранями. Чтобы его идейно-художественное воплощение полнее соответствовало той высокой заявке, которая звучит в прекрасных и возвышенных строках стихотворения А. Прокофьева, открывающих спектакль.

Театр имени М. Горького находится на хорошем творческом подъеме. Он заметно вырос, к нему потянулся зритель. В его активе такие значительные работы последних лет, как «Царь Федор Иоаннович» «Последние», «Ричард III», «Они были актерами», «Светлана» и другие. В театре наметилось стремление к современной теме, а еще более локально — к теме крымской.

«Адъютант его превосходительства» — заметная веха на этом многообещающем пути.

В. СОЛОВЬЕВ.